

Д.Г. ГОРИН

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СМЕНА ПАРАДИГМ ОБРАЩЕНИЯ К ПРОШЛОМУ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ

Проблема трансформации исторического сознания рассматривается в статье в контексте смены парадигм, задающих общие рамки публичных форм мышления. Автор описывает три парадигмы обращения к истории в публичной сфере. В первой парадигме обращение к истории ориентируется на репрезентацию устойчивого социального порядка, что было характерно для периода раннего модерна. Во второй парадигме описание социальной действительности основывается на больших хронологически последовательных исторических нарративах. Формирование этой парадигмы начинается с середины XVIII в., и она в значительной степени определяет историческое сознание до сих пор. Для третьей парадигмы характерна переориентация с реконструкции исторической последовательности на взаимодействие с коммуникативными потоками. Она формируется в последние десятилетия в условиях интерактивной медиасреды и характерной для нее множественной публичности. Моделирование смены парадигм предпринимается на основании анализа тенденций публичного функционирования истории в контексте трансформации публичной сферы.

Ключевые слова: *историзм, публичная история, историческая политика, темпоральность, парадигма, публичная сфера, множественная публичность*

В последнее время появляется все больше исследований, посвященных историческому сознанию и дискурсу¹, исторической политике², исторической памяти, исторической культуре³. Но в большинстве исследований, особенно основанных на социологических опросах, внимание акцентируется на реконструкции восприятия в массовом сознании исторических фактов, образов, сюжетов, эпох. Разумеется, такой подход оправдан, поскольку ориентируется на исследование «опорных точек» массовых представлений об истории. Однако социальные и ментальные основания функционирования истории в публичных дискурсах, массовой культуре, обыденном сознании требуют дальнейшего исследования.

В условиях глобализации общественных отношений и дигитализации медиа существенным трансформациям подвергаются именно глубинные предпосылки публичных исторических дискурсов, что проявляется, в частности, в становлении множественной публичности и нового режима исторической темпоральности, существенно отличающегося от того, который еще до недавнего времени поддерживал характерный для обществ модерна историзм, лежавший в основании исторических гранд-нарративов и национальных идентичностей. Проблематика исторической темпоральности активно разрабатывается⁴, высказывается идея, что темпоральность тесно связана с семантическими особенностями катего-

¹ Koselleck 2002; Wrzosek 2009.

² Росоцк 2009; Копосов 2011; Историческая политика 2012; Касьянов 2019.

³ Ассман 2004; История и память 2006.

⁴ Hartog 2016; Ассман 2017, Люббе 2016.

рии времени, обусловленными социальными и культурными факторами, «парадигмой эпохи», исторической памятью, историческим дискурсом⁵. В условиях становления множественной публичности актуальность приобретает анализ характерной для нее множественной темпоральности и изменения темпоральности в «постметафизическую эпоху»⁶. Трансформация общества в логике сетевого индивидуализма актуализирует многообразную индивидуальную темпоральность как характеристику личного существования. Требуются дальнейшие исследования инверсии памяти, которая может подвергаться многообразным интерпретациям, создавая возможность взглянуть на жизнь из любой временной точки, включая моменты, выходящие за границы жизни субъекта исторической идентичности⁷. Значение этой проблематики определяется связью исторического мышления и историографии с национальными идентичностями⁸, также претерпевающими существенные изменения.

Трансформации публичных исторических дискурсов проявляются, в частности, в освобождении публичных форм мышления от историзма и историцизма, на смену им приходят презентизм и потребительское отношение к прошлому. В последние десятилетия в публичных репрезентациях истории сочетаются две тенденции: открытие огромного числа музеев и исторических парков, с одной стороны, и создание исторических видимостей и вымышленных историй, с другой⁹. В новых «войнах памяти» размываются привычные критерии достоверности и рациональности знания о прошлом, наблюдаются тенденции симуляции истории, ее мифологизации и снижения авторитета научной аргументации. Историческая достоверность часто приносится в жертву пропаганде, популизму, ностальгии и фундаментализму, требующим от адептов не знания, а чувства причастности. Появление новых возможностей виртуальных репрезентаций истории и распад целостных социальных перспектив и ретроспектив, связанные с ними трансформации функций истории в поддержании идентичности воображаемых сообществ, включая национальные идентичности, требуют анализа и целостного описания.

При всем концептуальном и стилистическом многообразии обращения к истории, можно выявить относительно универсальные особенности, отражающие фундаментальный уровень характерного для определенной эпохи исторического сознания. В связи с вариативностью проявления этих универсалий, требуется некоторое абстрагирование для их описания. Одним из перспективных направлений такого абстрагирования является анализ парадигм обращения к истории в публичной сфере.

Исследования публичной сферы позволяют распространить идеи Т. Куна о смене парадигм в развитии науки на описание особенностей

⁵ Репина 2007.

⁶ Ссорин-Чайков 2011; Коначева 2016.

⁷ Ярская 2015.

⁸ Вжосек 2010.

⁹ Хобсбаум 2017: 79.

обращения к истории в публичной сфере (тем более, что в его концепции просматриваются явные аналогии между развитием науки и общественными процессами). Под парадигмой Т. Кун понимал совокупность фундаментальных установок, представлений и терминов, которые принимаются и разделяются сообществом¹⁰. Обоснование анализа парадигм обращения к истории опирается на исследования публичной сферы, доказывающие, что идеи, представления, убеждения, ценности, идеалы, идеологические доктрины, которые проявляют себя публично, представляют собой не разрозненные элементы, а укореняются в целостных системах мысли. П. Сабатье, анализируя причины устойчивости экологического выбора вопреки мощному сопротивлению промышленников, обосновывал тезис о целостном характере мировоззренческих систем в публичной политике. Он доказывал, что такие системы функционируют не как риторические инструменты или способы оправдания каких-либо действий, а в качестве «политических парадигм»¹¹. Развивая куновское понятие, П. Холл описывал смену политических парадигм в макроэкономической политике Великобритании и Франции в 1970–1980-е гг.¹² В ряде исследований рассматривается роль политических повествований в публичной политике, воспроизводящих темпоральную и причинно-следственную структуру исторических нарративов, которая позволяет организовать события в целостную мировоззренческую систему¹³.

Вместе с тем обращение к понятию «парадигма» в исследовании публичного функционирования истории является одновременно и необходимым, и уязвимым. Необходимость развития этого подхода связана с попыткой получения инструмента для описания фундаментальных изменений в образе мысли, наблюдаемых в последние годы. В условиях трансформации феномена исторического, в публичной сфере появляются новые формы обращения к прошлому. Возникает вопрос, насколько они затрагивают парадигмальный уровень и можно ли говорить о возникновении новой парадигмы обращения к истории. Уязвимость переноса понятия «парадигма» в поле анализа публичного функционирования истории состоит в том, что существует принципиальная разница между сменой парадигм в науке и характером изменений публичной сферы. В публичной сфере парадигмальный уровень определяет не производство нового знания (как в научной деятельности), а способы достижения актуальных целей, нейтрализации нежелательных противоречий и поддержания легитимности.

Поэтому в анализе парадигм обращения к истории в публичной сфере следует избегать двух крайностей. С одной стороны, излишнего прагматизма, исходящего из примата практики и актуальных задач над особенностями мышления и дискурса. С другой стороны, противопо-

¹⁰ Кун 2003.

¹¹ Sabatier 1993.

¹² Hall 1986; Hall 1993.

¹³ Stone 1989: 281-300.

ложного утверждения о доминировании когнитивных моделей мышления, познания, объяснения и понимания над восприятием актуальной ситуации. Обе позиции уязвимы, поскольку взаимодействие мышления и практики в публичной сфере представляется довольно сложным, здесь концептуальный и перцептуальный уровни оказывают взаимное влияние друг на друга, что создает повышенное разнообразие концепций и стилей обращения к истории внутри каждой парадигмы.

Согласно определениям Т. Куна, парадигма включает в себя, по меньшей мере, четыре основных компонента, которые целесообразно сохранить в анализе парадигм обращения к истории в публичной сфере.

Первый из этих компонентов выражен метафизическими принципами, определяющими наиболее фундаментальный уровень миропонимания. Функционирование исторического знания в обществах модерна непосредственно связано с основными политическими идеологиями, которые основываются на ментальной возможности соотношения существующей действительности с воображаемым идеалом. Но постулируя идеал, идеология соотносит его не с действительностью, а со временем (по словам Н. Лумана, «темпорализация и идеологизация в известной мере выручают друг друга там, где речь идет о компенсации утери реальности»¹⁴). Идеал выступает в качестве источника тех образцов, которые являются критериями оценки общественной эволюции. Так, в эпоху модерна переопределяется метафизический принцип удвоения мира: идеальный мир постулируется для того, чтобы создать возможность описания мира действительного. В результате возникает феномен, который М.М. Бахтин называл «исторической инверсией»¹⁵. В его понимании, «историческая инверсия» состоит в перемещении идеальных представлений, выразившихся в мифах о «золотом веке», из мифологического и художественного воображения в историю. В результате такого перемещения идеальные состояния мыслятся так, будто бы они уже были в истории или еще возможны в будущем.

Вторым компонентом являются сами идеалы и связанные с ними ценности и нормы, обосновывающие убедительность социального знания. Для социального и политического мышления в обществах модерна характерна ориентация на идеалы, определяющие горизонты ожидания, политическое целеполагание и целедостижение. Однако в политических идеологиях содержание идеала может проецироваться как в будущее, так и в прошлое. Коллективное целедостижение, таким образом, обретает историческую размерность.

Третий компонент – символические обозначения и конструкции, включая основные понятия, в которых описываются проблемные ситуации. Как показал Р. Козеллек, понятия, в которых описывается актуальная политическая действительность, начиная с «переломного времени»

¹⁴ Луман 1991: 203.

¹⁵ Бахтин 2000: 75-76.

второй половины XVIII – первой половины XIX в., отражают напряжение между наличными реалиями и идеальным проектом будущего – между пространством опыта и горизонтом ожидания¹⁶. В содержании политических понятий присутствует историческая темпоральность, связанная с историософским обоснованием политического целедостижения. В частности, это относится к появлению таких понятий, как «республиканизм», «либерализм» и прочих «-измов», которые отражают смещение акцентов к горизонту ожидания.

Четвертый компонент представляет собой общепризнанные образцы и инструменты разрешения проблемных ситуаций. В публичной сфере наблюдается постоянная актуализация исторических аналогий и требований исторической преемственности или, наоборот, преодоления исторического прошлого. Рассуждения об «уроках истории», «суде истории» или о «преодолении прошлого» представляют собой примеры инструментального понимания истории как средства, позволяющего различать, типологизировать и означивать проблемные ситуации как уже имевшие опыт разрешения в прошлом.

Настоящее исследование основано на предположении о том, что формирование и смена парадигм обращения к истории в публичной сфере соотносятся как минимум с тремя процессами: во-первых, формированием и сменой научных парадигм (классической, неклассической и постнеклассической)¹⁷, прямо или косвенно влияющих на публичные формы мышления и исторические дискурсы; во-вторых, становлением и развитием публичной сферы; в-третьих, трансформацией самого модерна, в развитии которого выделяются периоды раннего, развитого и высокого модерна. В статье речь идет в основном о парадигмальном уровне трансформации исторического сознания, отражающем проявление в российском обществе относительно универсальных тенденций. Разумеется, в России действует целый ряд факторов, способствующих особому проявлению этих тенденций, однако специальный анализ этих факторов требует отдельного исследования.

Три парадигмы обращения к истории в публичной сфере

Первая парадигма, в которой публичность обретает свои проявления – репрезентативная. Она возникает на закате Средневековья за несколько столетий до того, как в Новое время происходит становление автономной публичной сферы. Ю. Хабермас, описывая репрезентативную публичность, исходит из того, что репрезентация в свете христианской идеи воплощения обозначает не изображение или образное представление, а «представительство», что «обеспечивает присутствие» некой высшей сущности¹⁸. В сакрально-правовом понимании, лицо, представляющее высшую сущность, наделено ею особыми правами и находится от нее в зависимости. Эти права подтверждаются демонстрацией

¹⁶ Козеллек 2010: 26-27.

¹⁷ Степин 1992.

¹⁸ Хабермас 2016: 55.

статусных атрибутов – регалий, одежды, манеры держаться, риторики. Репрезентативная публичность проявляется в XV в. во Франции и Бургундии, затем при дворе Габсбургов, а в новой версии – в городской аристократической культуре, сначала в Северной Италии, потом – в Париже и Лондоне, сохраняя влияние вплоть до XVIII в. В понимании природы и общества доминировали механические аналогии и представления. Сфера политики мыслилась подобно механическому устройству как система, которая характеризуется ограниченным количеством элементов с понятными и детерминированными связями. Преимущественно в этой логике формировались политическая теория Н. Макиавелли, идеи общественного договора Т. Гоббса и Дж. Локка. Представления о порядке доминировали над идеей изменения, а изменения трактовались в терминах причинности. В интеллектуальной жизни происходило оформление классической парадигмы науки, которая в значительной степени определялась экспериментальным естествознанием и достижениями в области механики. Исследовательские процедуры понимались как неизменные, независимые от личности исследователя. Аналогичные принципы нашли свое проявление в репрезентативной публичности. Её содержание сводилось к демонстрации «объективных» признаков власти и авторитета путем использования неизменных (или стремящихся выдать себя за неизменные) символов, процедур и ритуалов.

Обращение к истории в этот период также имело своей целью репрезентацию существующего порядка. В историческом сознании внимание было смещено к прошлому, которое отражает то, что когда-то возникло, существовало и существует, а именно – сложившийся порядок вещей. История, которая в средневековых университетах изучалась как часть грамматики и риторики, была подчинена необходимости публичного обоснования власти и авторитета.

Вторая парадигма обращения к истории в публичной сфере развивается, начиная с эпохи, названной Р. Козеллеком «переломным временем»¹⁹ – между 1750 и 1850 гг., когда мышление об обществе переориентируется с пространства опыта на горизонт ожидания. Если в условиях раннего Модерна публичность сводится к публичной репрезентации господства, то в условиях развитого Модерна она превращается в автономную сферу обоснования общих интересов. Большую роль в становлении политической публичной сферы Ю. Хабермас отводит литературной публичности²⁰. Читающая публика, как и публика, собиравшаяся в общественных местах, постепенно превращалась в субъекта, способного вынести свое общественно значимое суждение (запрещенные суждения в XVIII в. стали именоваться «публичными»). Начинается этот процесс с формирования анклавов публичной жизни – салонов и клубов, общение внутри которых предполагает приоритет рациональной аргументации над авторитетом статусной иерархии. Публичная политика,

¹⁹ Козеллек 2010: 26-27.

²⁰ Хабермас 2016: 144.

таким образом, в значительной мере формируется литературной публичностью, подобно тому, как литература (включая публицистику, философские и исторические сочинения) формирует самосознание больших воображаемых сообществ, обретающих политическую субъектность – гражданских наций и классов.

Тенденции интеллектуальной жизни середины XVIII в. и особенно XIX и XX вв. отражали постепенную переориентацию образа мысли с репрезентации признаков порядка на выявление последовательности состояний, которые проходят в своем развитии те или иные сущности. Основой для распространения историзма в неисторических науках стали представления сначала о биологической эволюции, а затем о развивающихся системах, описание которых основывается на идее последовательности и поступательности процессов, в них протекающих. В неклассической научной парадигме заметно растет интерес не только к истории общества, но также к истории естественных систем – «истории земли», «истории Солнечной системы», «истории космоса», «истории жизни», «истории океана» и т.п. В условиях переориентации публичных форм мышления с репрезентации порядка на выявление последовательностей история берет на себя функции метафизики. М. Фуко обращал внимание на то, что история раздваивается на «науку о событиях» и способ бытия всего того, что дано нам в опыте. Если раньше мысль размышлялась, по словам Фуко, «*между порядком и Порядком*» – между человеческим восприятием (воображением) и божественным разумом или волей, то с XIX века – «*между историей и Историей, между событиями и Первоначалом, эволюцией и первоначальным отрывом от источника, между забвением и Возвратом*»²¹.

Образ мысли, ориентированный на историчность, становится доминирующим. Поэтому литературность как сущностное определение публичной сферы в период ее становления вполне может быть дополнена историчностью. В этом смысле оправдано говорить о литературно-исторической публичности, которая определяет содержание и развитие публичной сферы в эпоху развитого Модерна, начиная примерно с середины XVIII и вплоть до последних десятилетий XX века. Обращение к истории в парадигме, соответствующей литературно-исторической публичности, определяется не только интересом к истории, а прежде всего, необходимостью поддержания самого характера публичной мысли и самоописания устремленной в будущее современности. Неслучайно одним из наиболее популярных литературных жанров этого времени становится исторический роман²².

Третья парадигма обращения к истории в публичной сфере определяется множественной публичностью. Ее становление связано прежде всего с глобализацией и цифровой революцией. В условиях глобализации ориентация литературной публичности на национальный язык и

²¹ Фуко 1994: 245.

²²– Лукач 2019.

национальную историю перестает быть самодостаточной. Существенные аспекты и уровни общественных отношений требуют выражения на языке аудиовизуальных образов, который способен легко преодолевать национально-культурные границы. Литературно-историческая публичность явно утрачивает свою определяющую роль, что свидетельствует о серьезной трансформации публичной сферы. Публичная сфера становится принципиально неоднородной, возникает множество публик, которые создают собственные дискурсы и свои публичные сферы. В современном обществе иерархические отношения вытесняются сетевым индивидуализмом. В результате размываются сословные, стратовые, профессиональные, этнические, конфессиональные и другие границы. Общество, которое описывалось этими различиями, трансформируется во множество индивидов, взаимодействия между которыми характеризуются хаотичностью. Интерактивная медиасреда позволяет избегать иерархичности и воспроизводить эту хаотичную множественную публичность ценой виртуализации. По мере того, как общество трансформируется во множество, оно становится децентрализованным, подвижным и непредсказуемым. Модели описания множества не могут опираться ни на воспроизводство порядка, ни даже на воспроизводство последовательности состояний этого порядка. Теперь речь идет об обнаружении потоков, их означивании и следовании им.

В постнеклассической парадигме науки на смену историческому описанию последовательности состояний развивающихся систем приходят проблемно-ориентированные исследования потоков, отражающих смену состояний сложных открытых и динамичных систем, характеризующихся нелинейными процессами самоорганизации. Из одной отрасли знания в другую распространяются идеи о том, что периферийные факторы могут оказывать решающее влияние, а случайность может доминировать над закономерностью. Историческая последовательность описания смены состояний социальных систем вытесняется популярными представлениями о «черных лебедях» – непредсказуемых событиях, способных радикально изменить направления развития. Таким образом, в результате происходящих изменений на смену историческим реконструкциям последовательности состояний приходит стремление предвидеть новые тренды, которые способны создавать случайные потоки событий, распространяющиеся подобно вирусной эпидемии, а затем исчезающие, не оставляя заметных следов и последствий.

В этих условиях привычные объяснительные функции историзма утрачивают свое значение. История проявляет себя в новых форматах, таких как *storytelling* – рассказывание историй в целях привлечения внимания для удержания или даже усиления определенных потоков – таких, например, как потоки туристов, пользователей или покупателей. В интерактивной медиасреде случайные и слабо связанные друг с другом события могут быть более жестко связаны с помощью историй, которые играют функции соединения разнородных тенденций.

Особенности парадигмы обращения к истории в условиях множественной публичности

В результате происходящих изменений, таким образом, исторические реконструкции устойчивого порядка сменяются описанием последовательности состояний развивающихся систем. Но в последнее время им на смену приходят представления о нелинейной динамике сложных систем, множественности потенциальных направлений их развития, что требует способности улавливать новые тренды, которые создаются случайными потоками событий, возникают и распространяются подобно вирусным эпидемиям, а затем исчезают, не оставляя заметных следов и последствий. В анализе потоков случайных событий, таких, например, как потоки туристов, принимающих решение посетить конкретный объект исторического наследия, или потоки держателей акций, которые в один момент решают их продавать или покупать, используются математические модели потоков Пуассона, Пальма, Эрланга. Привычные функции историзма в интеграции общества утрачивают свое значение, а история обретает новые формы публичного выражения.

Среди параметров, позволяющих описывать парадигму функционирования истории в условиях множественной публичности, следует особо выделить три группы характеристик, отражающих особенности постулирования идеала, кодирование времени и закрепление доминирующих форм знания. Постулирование идеала в различных парадигмах обращения к истории в публичной сфере может быть описано на основании ряда признаков (Таблица 1.).

Таблица 1. Постулирование идеала в парадигмах обращения к истории в публичной сфере

	Репрезентативная публичность	Литературно-историческая публичность	Множественная публичность
Адресат воздействия идеала	Душа	Разум	Тело
Объективация идеала	Символизация невидимого	Текст	Видимое
Вариативность понимания идеала	Едиственный	Всеобщий	Множественный
Способ соотнесения с идеалом	Миф, религия	«Историческая инверсия»	Актуализация (потребление)
Выразитель идеала	Монарх	Партийный вождь	Лидер общественного мнения
Авторитетность доступа к идеалу	Власть одного (монархический идеал)	Власть всех (демократический идеал)	Власть каждого (идеал множества)
Критерий легитимации власти выразителя идеала	Сакрализация	Идеология	Статистика (количество ссылок)

Прежде всего, эти признаки отражают изменения адресата воздействия идеала. Во множественной публичности идеал апеллирует не к духовному или рациональному, а к телесному. В характерных для культуры постоянных колебаниях между эффектами значения и эффектами присутствия, центр тяжести смещается в пользу эффектов присутствия²³. Общественный идеал больше не может быть описан как единственный или всеобщий, поскольку действительность становится множественной. Виртуализация множественной публичности позволяет воспроизводить видимость присутствия, обеспечивая множественность идеального. Обращение к истории в литературно-исторической публичности обеспечивалось тем, что история позволяла соотносить действительность и идеал: исторический процесс понимался как становление идеального в действительном. Замещение идеального виртуальным освобождает публичную сферу от диктата историзма. Поскольку актуализация виртуального, в отличие от становления идеального, происходит мгновенно, оно не нуждается в историзме как в особом кодировании временной длительности. В множественной публичности наблюдается кризис подлинности – та цена, которую приходится платить за сетевой индивидуализм. Видимость может воспроизвести только поверхностные эффекты, искать за которыми глубину оказывается бессмысленно. Идеалы, продвижение к которым требует длительных усилий, воспринимаются как иллюзорные. Однако отказ от этих «иллюзий» сопровождается отказом от глубины и влечет размывание образов будущего.

Парадигмы публичного обращения к истории в значительной степени основываются на особенностях кодирования времени (Таблица 2).

Таблица 2. Кодирование исторического времени в парадигмах обращения к истории в публичной сфере

	Репрезентативная публичность	Литературно-историческая публичность	Множественная публичность
Геометрическая модель времени	Круг (цикл)	Линия	Точка
Центрирование времени	Возвращение к истокам	Прогрессивное устремление к будущему	Сиюминутное
Функция исторического прошлого	Поддержание образцов	Легитимация порядка	Создание впечатлений
Цель изучения прошлого	Свидетельство (производство истины)	Сохранение (производство различий)	Коммуникации (производство связей)
Отношения между прошлым и настоящим	Отсутствие различий между прошлым и настоящим	Разрушение (преодоление) прошлого	Виртуальная актуализация прошлого в настоящем

²³ Гумбрехт 2006: 109-111.

История, в отличие от мифа, основывается на идее необратимости: прошлое проходит и больше не возвращается, а горизонт ожидания доминирует над восприятием опыта. Однако в условиях множественной публичности время сжимается в точку. Если история превращается в объект потребления, то следует помнить, что потребление происходит именно «здесь-и-сейчас». Восприятие времени во множественной публичности слагается из точечных моментов, каждый из которых относительно автономен. Сиюминутность потребления становится значительнее, чем ориентация на связи между прошлым, настоящим и будущим. Если это так, то история утрачивает функции легитимации порядка и тем более поддержания образцов. В логике потребления от истории ожидают производства впечатлений. Отсюда очевидная в последние десятилетия переориентация с истории на историческую память. Память в отличие от истории отражает то прошлое, которое присутствует «здесь-и-сейчас» и в том виде, в котором оно присутствует «здесь-и-сейчас». Смена парадигм публичного обращения к истории предполагает также смену доминирующих форм знания, что влечет за собой изменение представлений об источнике знания, его легитимности и формах выражения (Таблица 3).

Таблица 3. Доминирующие формы знания в парадигмах обращения к истории в публичной сфере

	Репрезентативная публичность	Литературно-историческая публичность	Множественная публичность
Источник знания	Вера	Разум	Воображение
Основные единицы знания	Догматы	Факты	Аффекты
Формы выражения исторического знания	Эпосы	Исторические нарративы	Storytelling
Субъекты знания	Монарх	Общество (нация, народ, класс)	Множество
Критерии истинности (легитимности)	Сакральность	Правильность	Полезность

Обращение к истории в условиях множественной публичности характеризуется смещением акцентов на воображение и аффекты восприятия истории, способные вызвать эмоции. Критерием легитимности знания становится не его научная достоверность, а количество ссылок. Меняются и формы репрезентации исторического знания: оно выражается теперь не в эпосах и больших исторических нарративах, а в рассказывании историй – личных, семейных, городских, корпоративных. Основная функция этих историй – не столько воспроизводство подлинности и поддержка широких идентичностей, сколько создание связей и установление контактов. История становится «коннектосторией». Пуб-

лично рассказываемые истории оцениваются теперь с точки зрения их полезности в воспроизводстве относительно устойчивых связей и управлении потоками подписчиков, клиентов, туристов, избирателей.

Различия в парадигмах публичного обращения к истории аккумулируются в характере обращения к идеальному, кодировании времени и закреплении доминирующих форм знания. Все эти аспекты отражают существенные изменения в характере публичных коммуникаций. В репрезентативной публичности предметом коммуникации является визуализация невидимого порядка. В литературно-исторической публичности предметом коммуникации становится текст, воспроизводящий большие исторические нарративы, адресатом которых в первую очередь являются большие воображаемые сообщества – гражданские нации, классы, политические объединения. Во множественной публичности генерируется «коммуникативный разум», который интегрирует индивидуализированное и разобщенное множество в сетевые сообщества и коммуникативные потоки, влияние которых растет и не ограничивается лишь цифровой медиасредой.

Признаки новой парадигмы обращения к истории вполне очевидны, однако новые формы обращения к истории не обрели еще необходимой общественной легитимности, которая придавала бы им достаточную убедительность. Очевидно, что в публичной сфере современной России историческое знание функционирует в логике, характерной для всех трех парадигм. Проведенное исследование позволяет уточнить ряд качественных параметров обращения к истории в условиях множественной публичности. Однако вопрос о степени распространенности новых тенденций, их количественное соотношение с формами обращения к истории в рамках двух других парадигм выходит за рамки данного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ/ REFERENCES

- Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна. М.: НЛО, 2017, 272 с. [Assman A. *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padeniye temporal'nogo rezhima moderna*. М.: NLO, 2017, 272 s.].
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004, 368 с. [Assman YA. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. М.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 368 s.].
- Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000, 304 с. [Bakhtin M.M. *Epos i roman*. SPb.: Azbuka, 2000, 304 s.].
- Вжосек В. Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 5-13. [Vzhosek V. *Klassicheskaya istoriografiya kak nositel' natsional'noy (natsionalisticheskoy) idei // Dialog so vremenem*. 2010. Вып. 30. С. 5-13].
- Гумбрехт Х. Производство присутствия: Чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006, 184 с. [Gumbrekht KH. *Proizvodstvo prisutstviya: Chego ne mozhet peredat' znacheniy*. М.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2006, 184 s.].
- Историческая политика в XXI веке. Под ред. А. Миллер, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012, 648 с. [Istoricheskaya politika v XXI veke. Pod red. A. Miller, M. Lipman. М.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2012, 648 s.].

- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006, 768 с. [Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Yevropy do nachala Novogo vremeni. Pod red. L.P. Repinoy. M.: Krug", 2006, 768 s.].
- Касьянов Г. Украина и соседи Историческая политика 1980–2010. М.: Новое литературное обозрение, 2019, 632 с. [Kas'yanov G. Ukraina i sosedi Istoricheskaya politika 1980–2010. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019, 632 s.].
- Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33. [Kozellek R. K voprosu o temporal'nykh strukturakh v istoricheskom razvitiit ponyatiy // Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metafor. Sb. statey. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010. S. 21–33].
- Коначева С.А. Теологическая онтология в постметафизическую эпоху: от ipsum esse к событию. // EINA1: Проблемы философии и теологии. 2016. Т. 5. № 1–2(9–10). С. 24–38. [Konacheva S.A. Teologicheskaya ontologiya v postmetafizicheskuyu epokhu: ot ipsum esse k sobytiyu. // EINA1: Problemy filosofii i teologii. 2016. T. 5. № 1–2(9–10). S. 24–38].
- Копосов Н. Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011, 320 с. [Koposov N. Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2011, 320 s.].
- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, Ермак, 2003, 365 с. [Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsiy. M.: AST, Yermak, 2003, 365 s.].
- Лукач Г. Исторический роман. М.: Common place, 2014, 178 с. [Lukach G. Istoricheskii roman. M.: Common place, 2014, 178 s.].
- Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 194–216. [Luman N. Tavtologiya i paradoks v samoopisaniyakh sovremennogo obschestva // SOTSIO-LOGOS. M.: Progress, 1991. S. 194–216].
- Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: ВШЭ, 2016, 456 с. [Lyubbe G. V nogu so vremenem. Sokrashchennoye prebyvaniye v nastoyashchem. M.: VSHE, 2016, 456 s.].
- Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. 2007. Вып. 21. С. 5–21. [Repina L.P. Pamyat' i znaniye o proshlom v strukture identichnosti // Dialog so vremenem. 2007. Vyp. 21. S. 5–21].
- Ссорин-Чайков Н. Множественная темпоральность: перевод, обмен и антропология времени // Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии. М.: НЛЮ, 2001. С. 7–30. [Ssorin-Chaykov N. Mnozhestvennaya temporal'nost': perevod, obmen i antropologiya vremeni // Puti Rossii. Budushcheye kak kul'tura: prognozy, reprezentatsii, stsennarii. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2011. S. 7–30].
- Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992, 191 с. [Stepin V.S. Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki. M.: Vysshaya shkola, 1992, 191 s.].
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд., 1994, 408 с. [Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. SPb.: A-cad., 1994, 408 s.].
- Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследование относительной категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016, 344 с. [Khabermas YU. Strukturnoye izmeneniye publichnoy sfery: Issledovaniye otnositel'no kategorii burzhuaznogo obschestva. M.: Ves' mir, 2016, 344 s.].
- Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке. М.: АСТ, 2017, 382 с. [Khobsbaum E. Razlomannoye vremya. Kul'tura i obschestvo v dvadtsatom veke. M.: AST, 2017, 382 s.].
- Ярская В.Н. Калейдоскоп времени. Следы биографии. М.: Вариант, 2015, 243 с. [Yarskaya, V.N. Kaleydoskop vremeni. Sledy biografii. M.: Variant, 2015, 243 s.].
- Hall P. Governing the Economy: The Politics of State Intervention in Britain and France. Cambridge: Polity Press, 1986, 340 p.
- Hall P. Policy Paradigms, Social Learning and the State: The Case of Economic Policy-Making in Britain // Comparative Politics. 1993. № 25(3). P.275–298.
- Hartog F. Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time. N.Y.: Columbia University Press, 2016, 288 p.
- Koselleck R. The Practice of Conceptual History. Timing History, Spacing Concepts. Stanford: Stanford University Press, 2002, 384 p.

- Pocock J.G.A. Political Thought and History: Essays on Theory and Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, 298 p.
- Sabatier P.A., Jenkins-Smith H. Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach. Boulder (Colo.): Westview Press, 1993, 304 p.
- Stone A. Causal Stories and the Formation of Policy Agendas // Political Science Quarterly. 1989. № 104(2). P. 281-300.
- Wrzosek W. O myśleniu historycznym. Bydgoszcz: Epigram, 2009, 144 s.

Дмитрий Геннадьевич Горин, доктор философских наук, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия; dm.gorin@mail.ru

Transformation of Historical Consciousness Paradigm Shift in the Public Retrospect

In the article the problem of the transformation of the historical consciousness is examined in the context of the shift of paradigms which set the general framework for public forms of thinking. The author describes three paradigms of the appeal to history in the public sphere. In the first paradigm the appeal to the history focuses on the representation of a stable social order, which was characteristic of the period of early modernity. In the second paradigm the description of the social reality is based on grand chronologically consistent historical narratives. The formation of this paradigm began from the mid-eighteenth century, and it largely determines the historical consciousness to this day. The third paradigm is characterized by the reorientation from the reconstruction of the historical sequence to the interaction with communicative flows. It is formed in the last decades in the context of an interactive media environment and multiple publicity. The paradigm shift is modeled on the basis of an analysis of the trends in the public functioning of the history in the context of the transformation of the public sphere.

Key words: historicism, public history, historical politics, temporality, paradigm, public sphere, multiple publicity

Dmütry Gorin, Dr. Sci. (Philos.), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia. dm.gorin@mail.ru